

— Что касается того серенького яичка, — Глава клана сказал прямо, — это яйцо из семьи Кейлин.

Кек удивился:

— Они... они его не хотят?

— Именно так, — кивнул Глава клана. — Мы все предполагаем, что оно мёртвое, посмотри, его цвет отличается от других яиц.

— Не обязательно, — подумав, возразил Бру.

Глава клана сказал с отеческой заботливостью:

— Подобранный яйцо наверняка имеет какие-то проблемы, сами хорошенько подумайте!

Сказав последнюю фразу и увидев, что эта пара твёрдо решила, он покачал головой и улетел.

Глава клана вздохнул, подумав про себя: не говоря уже о том, сможет ли то серое яйцо вылупиться. Самая большая проблема, вероятно, всё же то белое яйцо. Его биологические родители, наверное, это заметили, поэтому и бросили яйцо, не придав значения, ведь даже если это яйцо вылупится, птенец может не выжить в конкурентной борьбе.

Но затем он передумал, покачал головой: эти птицы просто любят выделяться. В семье Кейлин две самки сошлись — и ладно, но эти двое — самцы, у них даже яиц быть не может.

К тому же, двум самцам в этом году вряд ли удастся вырастить птенцов, ведь у них совсем нет опыта. Наверное, придётся ждать следующего года, чтобы они постепенно набрались опыта.

Ладно, пусть будет для накопления опыта, — так подумал улетевший Глава клана.

Бру и Кек же были несказанно рады, потираясь о два труднодобываемых яйца.

Они и половины увещеваний Главы клана не вспомнили.

Стоит знать, что будучи семьёй без яиц для высиживания, они ждали этого момента уже очень давно.

Однако сегодня всё было иначе, они были так счастливы, что сомневались, не галлюцинация ли это.

Особенно такие птицы, как они, — как только образуют пару, редко расстаются.

Раньше они всё время с вожделием подглядывали за яйцами других семей, и их не скрываемая жажда не раз заставляла злых доминирующих самок забивать их до синяков, и они в панике разбегались.

Бру тоже вздохнул: птичий инстинкт, они не могут его контролировать.

Поэтому теперь, неожиданно получив яйца, они очень обрадовались.

— Что мы тут стоим? — первым очнулся Кек и поспешно сказал. — Быстрее несём яйца обратно в гнездо!

— Да, да, — наконец протрезвели два папы-попугая.

Они огляделись по сторонам, внимательно рассматривая яйца, которые, вероятно, не поднять лапами.

К счастью, они были попугаями, умными и способными, нашли крепкие листья и лозы, упаковали и связали яйца, и каждая птица, неся по яйцу, осторожно полетела обратно в гнездо.

Когда два яичка благополучно оказались в гнезде, Кек и Бру с удовлетворением посмотрели на них, и Кек не выдержал, присел, распушил перья и начал их насиживать.

— Погоди, я хочу сначала с ними понежиться, — Бру подтолкнул нежелающего уходить Кека.

Кек присел ещё плотнее и поспешно сказал:

— Сейчас моя очередь охранять гнездо! Ты же уже сколько времени торчал с яйцами.

Он с нежностью чувствовал под мышкой и под собой два здоровых, тёплых яйца, изредка мог потереться щекой о своего любимого, обсудить движение яиц при вылуплении — это было так прекрасно.

* * *

Вокруг было вязко и густо, но дышать можно было.

Оно чувствовало некоторую ошеломлённость, ощущало гладкую поверхность и слышало доносящиеся сквозь стенку снаружи щебетание.

Хотелось выбраться. Подумав об этом, оно начало изо всех сил бороться. Хруст — раздался слабый звук.

Твёрдый клюв пробил скорлупу, новорождённое оно начало изо всех сил протискиваться в эту точку, воздух постоянно поступал внутрь... пока оно не вылезло из с треском расколовшейся скорлупы.

— Дорогой, иди скорее посмотри, — тихо сказал Бру. — Второй тоже вылупился!

Кек осторожно приблизился, не смея говорить громко:

— Он ещё с закрытыми глазами, такой милый. Когда перья вырастут, он обязательно будет белым, как мы.

В этот момент оно не понимало щебетания вокруг. Оно только чувствовало липкую субстанцию на теле, которая постепенно высыхала, сила в конечностях понемногу крепла, горло произвольно раскрывалось, издавая слабые звуки.

Глаза ещё не могли открыться, можно было лишь видеть свет, проникающий через мембраны, ощущать, как воздух ласкает нежное тело, слышать быстрое биение сердца...

— Он такой маленький.

— Именно так, нужно растить его осторожно...

Нежный голос позвал его:

— Тебя будут звать Линн. Линн.

Линн ещё не мог открыть глаза, он лениво лежал и отдыхал в мягком гнезде.

Он почувствовал два твёрдых изогнутых клюва, которые помогли убрать осколки скорлупы вокруг и подвинули его глубже в гнездо. Линн наткнулся на тёплую мягкую подушечку, та пошевелилась и издала несколько хныкающих звуков.

Они прикоснулись друг к другу, обнаружив взаимное присутствие.

Нежная кожа птенца была тёплой, другой пошевелился и снова тихо хныкнул.

О, это другая птица, — подумал затуманенный Линн.

Сегодня был нулевой день с момента рождения.

Линн, истратив все силы, выбравшись из скорлупы, устало погрузился в сон...

* * *

Прошли первые несколько дней, когда он только ел и спал.

Линн наконец прояснился, но веки ещё не открывались, он лишь изредка просыпался, с любопытством прислушиваясь к разговорам вокруг. Хотя он ещё не понимал птичий язык, слушать звуки было нелишним.

— Первый ест вполне крепко, легко вырастить, — с удовлетворением сказал Кек.

Первый — это то самое серое яичко.

Первый, конечно, не было настоящим именем птенца. В стае в каждой семье, пока яйца ещё не вылупились, все яйца называли первый, второй, третий, четвёртый, пятый. Каждое утро можно было услышать, как птицы-родители из разных семей обсуждали сплетни.

— Мой первый растёт быстрее всех, выглядит очень крепким!

— Мой первый и второй оба хороши, завтра, наверное, вылупятся...

Первый у Бру и Кека получил имя Хьюз, он вылупился на день раньше второго — Линна.

— Да, первого назвали Хьюзом, — поэтому Бру поправил.

— Какая разница? — Кек не придал значения. — У них ещё даже перья не отросли.

Так, наслушавшись, Линн узнал, что тот, кто каждый день рядом недовольно пищит и отбирает у него еду, — его брат по имени Хьюз.

В этом не было ничего плохого, ведь папы были очень справедливы. Сейчас ещё был сезон изобилия пищи, не было причин морить детей голодом, их каждый день кормили досыта.

И каждый день, прижимаясь к Первому, Линн чувствовал его тёплое, гораздо более крепкое, чем у него, тело, и это его вполне устраивало.

До того дня в полдень, когда Линн наконец открыл глаза и впервые увидел светлый, ясный новый мир.

Первое, что он увидел, — это устланную пухом подстилку гнезда и несколько толстых веток, выглядывающих за край гнезда.

Линн наклонил голову и наконец разглядел штуку рядом с собой.

Она была очень похожа на него самого, маленькие чёрные глазки ярко смотрели на него, явно тоже с любопытством.

У обоих были тонкие ножки, голое тело, два голых куриных крылышка и немного мелкого пуха. Выглядели они не слишком красиво. Линн, глядя на своего собрата, подумал: какой он уродливый.

Нет, и сам он тоже уродливый.

Присмотревшись ещё, Линн заметил небольшую разницу: при одинаково нежно-розовом теле пух у того был чёрно-серым, а у него — белым.

— Глазки открыл? — Кек, который из-за тёплой погоды больше не насиживал, сидел рядом и сразу заметил изменения у Линна.

Оба папы-птицы приблизились посмотреть, но затем...

— О? — Бру и Кек переглянулись.

Увидев, что папы смотрят на него, Линн в гнезде съёжился. Он беспокойно пискнул пару раз и втянул головку. Он не понимал, что происходит.

— Дорогой, — тихо сказал Бру, — глазки у Второго... красные?

Кек помолчал:

— Да, именно так.

— У Первого перья чёрные, в этом нет ничего страшного, — с беспокойством сказал Бру. — Ты помнишь, что Глава клана говорил о проблеме с красными глазами?

Эта статья оторвана от реальности и полностью не соответствует ей.

Прототип попугая Ньютег основан на корелле, но размер установлен по аналогии с австралийским какаду, относится к птицам среднего и крупного размера.

* * *

Идея коллективного проживания и высживания яиц взята из документального фильма, изначально была у морских птиц, в документальном фильме тоже есть, кажется, у чаек.

В начале статьи были изменены некоторые сеттинги. Бру и Кек, родительское поколение, изменены на обычную пару, не братьев. Руководствуйтесь текущей версией.